

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Муниципальный этап

10 класс

Аналитическое задание

Из двух предлагаемых для анализа текстов необходимо выбрать один: эпический или лирический.

Выполните целостный анализ рассказа **В.В. Набокова «Благость»**. Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

В.В. Набоков

Благость

Мастерскую я унаследовал от фотографа. У стены еще стояло лиловатое полотно, изображавшее часть балюстрады и белесую урну на фоне мутного сада. В плетеном кресле, словно у входа в эту гуашевую даль, я и просидел до утра, думая о тебе. На рассвете стало очень холодно. Постепенно выплыли из темноты в пыльный туман глиняные болванки, — одна, твое подобие, обмотанная мокрой тряпкой. Я прошел через эту туманную светлицу — что-то крошилось, потрескивало под ногой, — и концом длинного шеста зацепил и открыл одну за другой черные занавески, висевшие как клочья рваных знамен, вдоль покатога стекла. Впустив утро — прищуренное, жалкое, — я рассмеялся, сам не зная чему, — быть может тому, что вот я всю ночь просидел в плетеном кресле, среди мусора, гипсовых осколков, в пыли высохшего пластилина, — и думал о тебе.

Когда при мне произносили твое имя, вот какое чувство я испытывал: удар черноты, душистое и сильное движение; так ты заламывала руки, оправляя вуаль. Любил я тебя давно, а почему любил — не знаю. Лживая и дикая, живущая в праздной печали.

Недавно я нашел на столике у тебя в спальне пустую спичечную коробку; на ней был надгробный холмик пепла и золотой окурочок, грубый, мужской. Я умолял тебя объяснить. Ты нехорошо смеялась. И потом расплакалась, и я, все простив тебе, обнимал твои колени, прижимался мокрыми ресницами к теплому черному шелку. После этого я две недели не видел тебя.

Осеннее утро мерцало от ветра. Я бережно поставил шест в угол. В широкий пролет окна видны были черепичные крыши Берлина — очертанья их менялись, благодаря неверным

внутренним переливам стекла, — и среди крыш бронзовым арбузом вздымался дальний купол. Облака летели и прорывались, обнажая на мгновенье легкую изумленную осеннюю синеву.

Накануне я говорил с тобой в телефон. Не выдержал, сам позвонил. Условились встретиться сегодня, у Бранденбургских ворот. Голос твой сквозь пчелиный гуд был далек и тревожен. Скользил, пропадал. Я говорил с тобой, плотно зажмурившись, и хотелось плакать. Моя любовь к тебе была бьющейся, восходящей теплотой слез. Рай представлялся мне именно так: молчанье и слезы, и теплый шелк твоих колен. Ты понять это не могла.

Когда после обеда я вышел на улицу — встретить тебя, — голова закружилась от сухого воздуха, от потоков желтого солнца. Каждый луч отдавался в висках. По панели, с шорохом, торопливо, вперевалку, бежали большие рыжие листья.

Я шел и думал о том, что верно на свиданье ты не придешь. А если и придешь, то все равно опять поссоримся. Я умел только лепить и любить. Тебе было мало этого.

Вот и грузные ворота. Сквозь проймы их протискивались толстобокие автобусы и катились дальше вдоль бульвара, уходящего вдаль, в тревожный синий блеск ветреного дня. Я ждал тебя под тяжелой сенью, между холодных колонн, у железного окна гауптвахты. Былолюдно: шли со службы берлинские чиновники, нечисто выбритые, у каждого под мышкой портфель, в глазах — мутная тошнота, что бывает, когда натошак выкуришь плохую сигару. Без конца мелькали их усталые и хищные лица, высокие воротнички. Прошла дама в красной соломенной шляпе, в пальто из серого барашка, юноша в бархатных штанах с пуговицами пониже колен. И еще другие.

Я ждал, опираясь на трость, в холодной тени угловых колонн. Я не верил, что ты придешь.

А у колонны, неподалеку от окна гауптвахты, был лоток — открытки, планы, веера цветных снимков, — а рядом на табурете сидела коричневая старушка, коротконогая, полная, с круглым, рябым лицом, — и тоже ждала.

Я подумал: кто из нас первый дождется, кто раньше явится — покупатель или ты. У старушки был вид вот какой: «Я ничего, я так, случайно присела тут; правда, рядом какой-то лоток — очень хорошие, любопытные вещицы. Но я — ничего...»

Люди без конца проходили между колонн, огибая угол гауптвахты; иной взглянет на открытки. Тогда старушка вся напрягалась, впивалась яркими крохотными глазами в лицо прохожего, словно внушала ему: купи, купи... — но тот, окинув взглядом цветные и серые снимки, шел дальше, и она, как бы равнодушно, опускала глаза, продолжала читать красную книгу, что держала на коленях.

Я не верил, что ты придешь. Но ждал тебя, как не ждал никогда, тревожно курил, заглядывал за ворота на чистую площадь в начале бульвара; и снова отходил в свой угол, стараясь не подавать виду, что жду, стараясь представить себе, что вот, пока я не гляжу, ты идешь,

приближаешься, что если опять взгляну туда, за угол, то увижу твою котиковую шубу, черное кружево, свисающее с края шляпы на глаза, — и нарочно не смотрел, дорожил самообманом.

Хлынул холодный ветер. Старушка встала, принялась вставлять плотнее свои открытки. На ней было что-то вроде короткого тулупчика — желтый плюш, сборки у поясницы. Подол коричневой юбки был подтянут спереди выше, чем сзади, и потому казалось, что она ходит, выпятив живот. Я различал добрые, тихие складки на маленькой круглой шляпе, на потертых утиных сапожках. Она деловито возилась у лотка. Рядом, на табурете, осталась книга — путеводитель по Берлину, — и осенний ветер рассеянно поворачивал страницы, трепал план, выпавший из них ступеньками.

Мне становилось холодно. Папироса тлела криво и горько. Волны неприязненной прохлады обдавали грудь. Покупатель не шел.

А старушка уселась снова, и так как табурет был слишком для нее высок, ей пришлось сперва поерзать, подошвы ее тупых сапожков попеременно отделялись от панели. Я кинул прочь папиросу, подхватил ее концом трости: огненные брызги.

Прошло уже с час, — быть может больше. Как я мог думать, что ты придешь? Небо незаметно превратилось в одну сплошную тучу, и прохожие шли еще поспешнее, горбились, придерживали шапки, дама, переходившая площадь, открыла на ходу зонтик... Было бы просто чудо, если б ты теперь пришла.

Старушка, аккуратно переложив в книгу закладку, как будто призадумалась. Мне кажется, ей представлялся иностранец-богач из Адлона, который купил бы весь ее товар, и переплатил, и заказал бы еще и еще видовых открыток, путеводителей всяких. И ей, вероятно, нетепло было в этом плюшевом тулупчике. Но ты ведь обещала прийти. Мне вспоминался телефон, бегущая тень твоего голоса. Господи, как мне хотелось тебя видеть. Снова хлынул недобрый ветер. Я поднял воротник.

И вдруг окно гауптвахты отворилось, и зеленый солдат окликнул старушку. Она быстро сползла с табурета и, выпятив живот, подкатилась к окну. Солдат покойным движеньем подал ей дымящуюся кружку и прикрыл раму. Повернулось и ушло в темную глубину его зеленое плечо.

Старушка, бережно неся кружку, вернулась к своему месту. Это был кофе с молоком — если судить по коричневой бахrome пенки, приставшей к краю.

И она стала пить. Я никогда не видал, чтобы пил человек с таким совершенным, глубоким, сосредоточенным наслаждением. Она забыла свой лоток, открытки, холодный ветер, американца, — и только потягивала, посасывала, вся ушла в кофе свой, точно так же, как и я забыл свое ожидание и видел только плюшевый тулупчик, потускневшие от блаженства глаза, короткие руки в шерстяных митенках, сжимавшие кружку. Она пила долго, пила медленными глотками, благоговейно слизывала бахrome пенки, грела ладони о теплую жесь. И в душу мою вливалась

темная, сладкая теплота. Душа моя тоже пила, тоже грелась, — и у коричневой старушки был вкус кофе с молоком.

Допила. На мгновение застыла. Потом встала и направилась к окну, — отдать пустую кружку.

Но не доходя она остановилась. Ее губы собрались в улыбочку. Быстро подкатилась она обратно к лотку, выдернула две цветные открытки и, снова подбежав к железной решетке окна, мягко постучала шерстяным кулачком по стеклу. Решетка отпахнулась, скользнул зеленый рукав с блестящей пуговицей на обшлаге, и старушка сунула в черное окно кружку, открытки и торопливо закивала. Солдат, разглядывая снимки, отвернулся в глубину, медленно прикрывая за собою раму.

Тогда я почувствовал нежность мира, глубокую благодать всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, — и понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем. Я понял, что мир вовсе не борьба, не чередя хищных случайностей, а мерцающая радость, благодатное волнение, подарок, не оцененный нами.

И в этот миг, наконец, ты пришла, вернее не ты, а чета немцев, — он в непромокаемом плаще, ноги в длинных чулках — зеленые бутылки, — она худая, высокая, в пантеровом пальто. Они подошли к лотку, мужчина стал выбирать, и моя кофейная старушка, покрасневшись, напыжившись, глядела то в глаза ему, то на открытки, суетливо, напряженно работая бровями, как делает старый извозчик, всем телом своим подгоняющий клячу. Но не успел немец выбрать, как его жена пожала плечом, оттянула его за рукав, — и тогда-то заметил я, что она на тебя похожа, — сходство было не в чертах, не в одежде, — а вот в этой брезгливой недоброй ужимке, в этом скользком и равнодушном взгляде. И оба они пошли дальше, ничего не купивши, — а старушка только улыбнулась, вставила обратно открытки, углубилась опять в свою красную книгу. Мне незачем было дольше ждать. Я пошел прочь по вечеряющим улицам, заглядывал в лица прохожим, ловил улыбки, изумительные маленькие движения, — вот прыгает косица девчонки, бросающей мячик о стену, вот отразилась божественная печаль в лиловатом овальном глазу у лошади; ловил я и собирал все это, и крупные, косые капли дождя учащались, и вспомнился мне прохладный уют моей мастерской, вылепленные мною мышцы, лбы и пряди волос, и в пальцах я ощутил мягкую щекотку мысли, начинающей творить.

Стемнело. Летал дождь. Ветер бурно встречал меня на поворотах. А потом лязгнул и просиял янтарными стеклами трамвайный вагон, полный черных силуэтов, — и я вскочил на ходу, стал вытирать руки, мокрые от дождя.

В вагоне люди сидели нахохлясь, сонно покачиваясь. Черные стекла были в мелких, частых каплях дождя, будто сплошь подернутое бисером звезд ночное небо. Гремели мы вдоль улицы, обсаженной шумными каштанами, и мне все казалось, что влажные ветви хлещут по окнам. А когда трамвай останавливался, то слышно было, как стучались наверху об крышу срываемые ветром каштаны: ток — и опять, упруго и нежно: ток... ток... Трамвай трезвонил и трогался, и в мокрых стеклах дробился блеск фонарей, и я ждал с чувством пронзительного счастья повторения тех высоких и кротких звуков. Удар тормоза, остановка, — и снова одиноко падал круглый каштан, — погода падал и второй, стучаясь и катясь по крыше: ток... ток...

1924

Владимир Владимирович Набоков (1899–1977) — русский и американский писатель, поэт, переводчик, литературовед.

Опорные вопросы:

1. Почему рассказ ведётся от первого лица?
2. Каковы особенности авторского стиля рассказчика?
3. Какую смысловую нагрузку несут в рассказе образы девушки и старушки?
4. В чем состоит идейно-композиционная значимость пейзажа?
5. Как соединяются в рассказе бытовой и философский планы?

Выполните целостный анализ стихотворения **С.М. Гандлевского**, приняв во внимание следующие **аспекты его художественной организации**:

- образ лирического героя
- средства создания связанной с ним ситуации
- соотношение окружающих деталей и подробностей психологического состояния лирического героя
- своеобразие художественного времени
- особенности грамматической структуры текста

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

С.М. Гандлевский

Мы знаем приближение грозы,
Бильярдного раскатистого треска —
Позвякивают вёдра и тазы,
Кликушествует злая занавеска.
В такую ночь в гостинице меня

Оставил сон и вынудил к беседе
С самим собой. Педалями звеня,
Горбун проехал на велосипеде
В окне моём. Я не зажёл огня.
Блажен, кто спит. Я встал к окну спиной.
Блажен, кто спит в разгневанном июле.
Я в сумерки вгляделся — предо мной
Сиделкою душа спала на стуле.
Давно ль, скажи, ты девочкой была?
Давно ль провинциалкой босоногой
Ступни впервые резала осокой,
И плакала, и пела? Но сдала
И, сидя, спишь в гостинице убогой.
Морщинки. Рта порочные углы.
Тяжёлый сон. Виски в капели пота.
И страшно стало мне в коробке мглы —
Ужели это всё моя работа!
С тех пор боюсь: раскаты вдалеке
Поднимут за полночь настойчиво и сухо —
На стуле спит усталая старуха
С назойливою мухой на щеке.
Я закричу, умру — горбун в окне,
Испуганная занавесь ворвётся.
Душа вздрогнёт, медлительно очнётся,
Забудет всё, отдаст усталость мне
И девочкой к кому-нибудь вернётся.

1976

Сергей Маркович Гандлевский (род. 1952) — *российский поэт, прозаик, эссеист, переводчик.*

Творческое задание

Вам предлагается создать аккаунт (страницу) героя (-ини) произведения русской или зарубежной классической литературы, основываясь на содержании произведения: краткая информация о персонаже (пол, возраст, статус и т.п.), изображение (описание внешности и/или деталей, пейзажей, связанных с персонажем), его кредо (жизненная позиция), его увлечения, цитаты персонажа.

Объем ответа – 150-200 слов.